

«она перестала двигаться вперед, потеряла тенденцию к расширению своих границ, к эволюции своих форм». — Прим. ред.)

Наши педагоги были фигурами истории, уж по крайней мере — истории театра. Тем не менее, им хотелось окунуться в студенческую жизнь, а нам хотелось попасть в жизнь академическую. Ничто этому не мешало, два с половиной года мы были совершенно поглощены друг другом.

Мы побывали в гуманитарном раю, а потом попали не то чтобы в гуманитарный ад, но в чистилище — уж точно. Вышла та самая январская статья о критиках-космополитах, и произошел разгром ГИТИСа. Уволили практически всех преподавателей, и на их место пришли другие, совсем не такие, к каким привыкли мы. В лучшем случае это были какие-то чиновники из Министерства культуры. Абсолютно темные люди, кроме циркуляров и доносов ничего в своей жизни не писавшие. И эти люди стали учить нас писать! Кое-кто, кстати, у них научился. К счастью, очень немногие, но было дело.

Самое гнусное, самое противное, что перед тем, как уволить педагога, в обязательном порядке проводилось собрание, чтобы общественность его осудила. Теперь так не увольняют, в РГГУ я тоже на один день был уволен — так нам просто по телефону об этом сообщили. Тогда привлекали даже студентов, и не в качестве зрителей, а в качестве участников этих проработок. Нам раздали имена педагогов, на которых мы должны были написать характеристики. Я писал о Николае Михайловиче Тарабукине, замечательном преподавателе, который когда-то заведовал музеем Мейерхольда. Моя характеристика впоследствии стала одним из предлогов моего собственного увольнения — как так я выступил за мейерхольдовца! Нашим преподавателям выпало на долю пережить унизительные моменты. Один из таких эпизодов я описал в своей «Книге расставаний», речь идет о Борисе Владимировиче Алперсе. Автор одного из самых выдающихся трудов по истории русского театра — «Актёрское искусство в России», на моих глазах за пару лет до изгнания из ГИТИСа он получил какое-то высокое звание. Главным оратором на его чествовании выступал его любимый ученик, впоследствии наш педагог, Борис Николаевич Асеев. А в 1949 году Асеев выступил уже против этой книги и обвинил Бориса Владимировича в антимарксизме. Конечно, какой там марксизм? Там Аполлон Григорьев, русский символизм, все, что угодно, но не это.

Алперс — норвежец, красивый, абсолютный аристократ. Воин в деле театральной критики. Сдержанnyй, не воинственный, но настоящий воин. Он не побоялся сказать

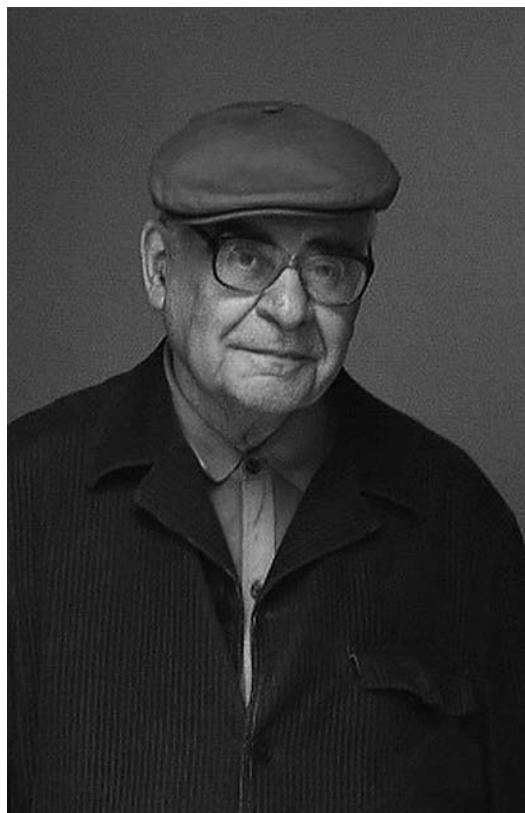

фото: Инна Скляревская